

Кашенко С.Г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ХАРАКТЕРА И НАКАЗАНИЯ ЗА НИХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЦИИ

Основным источником права в средневековой Турции был шариат. Меньшую роль играл адат (обычай). Постепенно возрастало значение как источника права законодательства султанов. Его особенностью было то, что с помощью нормативно-правовых актов узаконивались многие нормы и шариата, и адата, регулировавшие различные виды правоотношений.

Во многих случаях к наказаниям, предусмотренным за преступления нормами шариата и адата, в законах султанов добавлялось еще одно наказание – преимущественно в виде денежного штрафа с обвиняемого.

К числу активных султанов-законодателей относился Селим I (1512-1520 гг.). Его законодательство явилось важным этапом на пути формирования светского права и его кодификации в средневековой Турции. При нем был издан свод законов, который назывался «Канун-наме султана Селима I». В нем устанавливались наказания за различные виды правонарушений.

В канун-наме, в разделе «Относительно штрафа с развратников и развратниц, содержались нормативные предписания, подтверждавшие установленные шариатом наказания за некоторые преступления уголовного характера. Так, свод законов обязал кади (судью) наказывать двух подравшихся мусульман, разорвавших один другому ворот, в соответствии с предписаниями шариата, т.е. публичным битьем палками [1, с. 33].

Однако в большинстве случаев шариатское наказание дополнялось взиманием с виновного еще и денежного штрафа. Свод законов, в частности, устанавливал, что если один мусульманин вырвет у другого волосы на голове или бороду, то к наказанию, предусмотренному за это по шариату (публичному битью палками) должно добавляться взимание с виновного штрафа (с богатого 20, а с бедного 10 акче).

Предусматривалось дополнительное взимание денежного штрафа и для зачинщика драки: «Если один погонится за другим или ворвется к нему в дом и они подерутся, при этом один у другого вырвет бороду или один другого крепко прибьет, то следует наказывать обоих: побить палками и с зачинщика за каждый палочный удар взять по 1 акче штрафа, а с другого не брать» [1, с. 33].

Имелись и предписания, предусматривавшие дополнительное наказание за нанесение телесных повреждений: за рассечение головы до крови виновного следовало наказывать не только определенным кади количеством палочных ударов (как предусматривалось шариатом), но и денежным штрафом в 30 акче.

При определении наказания за тяжкие телесные повреждения кади тоже должен был выносить приговор, который кроме традиционного битья палками, предусматривал взимание с виновного более крупного денежного штрафа. Величина его

должна была определяться кади в зависимости от материального положения подсудимого.

«Если же голова пострадавшего, - говорилось в канун-наме, - пробита до кости так, что требуется вмешательство хирурга, то следует побить его публично палками (число ударов определяет кади) и взыскать денежный штраф: с богатого 100 акче, с лица среднего достатка – 50 акче, с бедного 30 акче» [1, с. 33].

Шариат предусматривал применение в системе наказаний за уголовные преступления кровной мести. Право на нее принадлежало самому потерпевшему или его ближайшим родственникам. Они имели право убить виновного или нанести ему такую же рану, какую он нанес потерпевшему. Свод законов сохранил эту норму шариата и придал ей юридическую силу. Однако допускалась и замена кровной мести со стороны потерпевшего или его родственников взиманием с виновного в их пользу денежного штрафа.

Родственники убитого могли или убить убийцу или взять с него денежный откуп. Размер его был значительным и внесение его не всякому было под силу, так как откуп должен был вноситься немедленно после совершения преступления. Размер откупа зависел от материального положения обвиняемого: с богатого 400, с лица со средним достатком – 200, с бедного 50 акче [1, с. 34].

Установить факт нанесения телесного повреждения в соответствии с предписаниями канун-наме было непросто: «Если кто-нибудь будучи ранен, скажет: «Меня ранил такой-то», то его слова во внимание пусть не принимают. Разве лишь в том случае, если тот человек был на подозрении раньше или был враждебен к пострадавшему».

Свод законов предписывал в случае обнаружения трупа в махалле (квартале) или в деревне найти убийцу и наказать его. Однако если при этом следов убийства не было обнаружено и на убитом не было ран предписывалось следствие не производить и преступника не искать.

Запись, произведенная нишанжи Ахмед-беем в конце XVI в. на полях рукописи канун-наме напротив этого предписания, свидетельствует о том, что во второй половине XVI в. оно в средневековой Турции не было действующим. «В этом случае, - говорится в этой записи, - придается значение шариату. Если по шариату требуется плата за кровь, востребовать плату за кровь, а если не требуется, то ничего (за это) не положено. Что шариат предписывает, то и действительно» [1, с. 34].

В своде законов Селима I сохранилась норма шариата, согласно которой убийство без умысла наказывалось или постом виновного в течение двух месяцев, или отпуском им на свободу раба-мусульманина, или выплатой откупа наследникам убитого в течение трех месяцев.

Не предусматривалась санкция и за убийство и нанесение ран при самообороне и защите своего

имущества. Допускалось убийство вора на месте преступления, кроме малолетних и безумных; убийство вора, который бросился наутек с места преступления. В качестве наказания за убийство вора-раба предусматривалось лишь возмещение виновным владельцу раба его стоимости.

Сохранялось установленное шариатом неполноправие женщины по сравнению с мужчинами. Когда она выступала объектом преступления, убийство ее по-прежнему должно было наказываться денежным откупом со стороны преступника лишь в половинном размере, полагавшегося за убийство мужчины.

Предусматривался в ряде случаев канун-наме и принцип круговой поруки, коллективной ответственности за уголовные преступления. Если убийца умел прятать концы в воду или власти не могли его установить, то денежный откуп за преступление должны были вносить обитатели деревни или махалли, на территории которых был обнаружен труп.

Право на денежный откуп со стороны преступника пострадавшему сохранялось законодательством Селима I и при наказании за совершенные членовредительские преступления. За лишение одной руки или одной ноги с виновного должен был взиматься откуп в половинном размере от того, который взимался за убийство; за лишение пальца – в размере десятой части; за выбитые зубы – в размере двадцатой части.

Одним из источников, использованных при подготовке канун-наме, был адат. В частности, он сохранил наказание адата при определении меры наказания за нанесение ран: кади предписывалось установить факт преступления и поступить с виновным согласно с обычаем.

Однако это положение, похоже, не получило распространения в Турции в середине и во второй половине XVI в. Об этом свидетельствует сделанная в конце XVI в. нишанджи Ахмед-беем на полях рукописи канун-наме напротив вышеуказанного установления такая приписка: «Обычая нет... Если не будет установлено по шариату, то ничего и не будет» [1, с. 34].

В своде законов было сохранено и наказание за другое уголовное преступление, установленное адатом. «Если кто-то, - говорилось в нем, - погнавшись за другим, пустит в его стрелу, то после наказания, проткнув ему стрелой ухо, пусть проведут его (по улицам). Если у кого-то обнаружатся склонности вора или поножовщина, то пусть отрубят ему руку или же, проткнув ножом руку, водят (по улицам)».

Канун-наме предусмотрел дополнительную по сравнению с адатом меру наказания за различные виды телесных повреждений. Не только предусмотренное адатом палочное наказание, но и дифференцированный, в зависимости от имущественного положения виновного, денежный штраф был обязателен теперь по отношению к турку, который погнавшись за другим, ударил его мечом или ножом (50 или 10 акче).

Палочная расправа и денежный штраф в размере 1 акче за каждый палочный удар с виновного

был предусмотрен сводом законов и в отношении лица, которое камнем или палкой нанесет рану пострадавшему. «Если один повредит другому руку или ногу, - устанавливалось в кунун-наме, - следует присудить то, что положено и пусть будет взято 100 акче штрафа».

В средневековой Турции правоспособность и дееспособность лиц определялась в зависимости от их религиозной принадлежности. В полной мере правоспособными и дееспособными были только лица, исповедовавшие ислам, а правоспособность и дееспособность иных обитателей Османского государства, была ограниченной.

В зависимости от религиозной принадлежности определялась и мера наказания за уголовные преступления, в частности за убийство. Откуп за убийство мусульманина взимался с виновного в полном объеме, за убийство христианина и еврея – в размере одной трети откупа за убийство с мусульманина. За убийство же лица иного вероисповедания откуп снижался до 1/15 откупа за убийство мусульманина.

Согласно договору между Портой и Францией французы не подлежали наказанию за совершенные ими уголовные преступления, в том числе за убийство, на территории Османского государства. Канун-наме также защищал жизнь французов более высоким по сравнению с мусульманином размером денежного откупа за их убийство: он должен был взиматься в двойном размере [1, с. 35].

Как и шариат, и адат, свод законов Селима I не предусматривал уголовной ответственности за нанесение увечий во время драки между детьми. Но он предусматривал ее, если во время подобного «общения» между женщинами, те поведируют друг у друга волосы или крепко побьют одна другую.

В канун-наме подтверждалось применение при этом «поощрения» в виде публичного по приговору кади «угощения» участниц драки палками. Предусматривалось и дополнительное наказание в виде денежного штрафа: если участницы «действия» относились к разряду «непорядочных», с каждой из них требовалось взять по 1 акче с каждой двух палочных ударов. Если же участницы драки были из «порядочных», то штраф составлял 20 акче. Его должны были платить их мужья.

В своде законов Селима I была специальная статья, которая брала под защиту от уголовных посягательств иностранок. Кади предписывалось при том присуждать виновного к публичному битью палками и взиманию с него 1 акче штрафа.

В канун-наме к разряду уголовнонаказуемых преступлений было отнесено и оскорбление мусульманина неприличным словом. Такие оскорбления разделялись на два вида – легкое и тяжелое. За них было предусмотрено соответственно менее строгое и более строгое наказание. Причем, и одно, и другое включало в себя и публичное по приговору кади битье палками и денежный штраф. Разница между ними состояла в количестве палочных ударов виновному. Кроме того, в первом случае за каждые три палочных удара взимался 1 акче штрафа, а во втором случае – за каждые два па-

лочных удара – 1 акче штрафа [1, с. 35].

Определение меры наказания для подравшихся рабов свод законов отдавал на усмотрение кади, которому рекомендовалось виновных «строго наказать (палками) и пусть будет взят штраф».

В средневековой Турции к разряду особо тяжких уголовных преступлений относилось избивание сыном отца или матери. Шариат предусматривал за это суровое публичное наказание виновного палками, которое нередко заканчивалось его смертью. Канун-наме добавлял к наказанию за это преступление еще две санкции – денежный штраф и тюремное заключение, продолжительность которого должна была устанавливаться кади.

Коран осуждал употребление вина правоверными. В его 90 аяте 5 суры в связи с этим говорится [2, с. 148]:

О вы, кто верует!

Все, что пьянит (и травит) ум,

Все это – мерзость, что измыслил Сатана.

Так воздержитесь же от этих искушений.

Осуждается употребление правоверными вина и в 91 аяте 5 суры:

И хочет Сатана азартом и вином

Вражду и ненависть среди вас посеять

И уклонить от поминания Бога и молитвы,

Ужель вы не сумеете сдержаться.

Шариат относит употребление вина мусульманином к разряду, преступлений, наказываемых публичным битьем палками виновного. Канун-наме тоже отнес винопитие мусульманином к разряду «пороков», которые не должны оставаться вне внимания и поля деятельности кади. Предусматривалось, что если кто-либо выпьет вина, то судья должен определить ему меру наказания по шариату и дополнить его взысканием с виновного за каждые два палочных удара по 1 акче штрафа [1, с. 35].

Свод законов Селима I также подтвердил, что производство и продажа вина тоже относятся к числу уголовнонаказуемых преступлений. Они должны были наказываться не только традиционным публичным битьем палками (по шариату), но и взиманием с виновного по 1 акче штрафа с каждого двух палочных ударов.

Было в своде законов Селима I и установление, которое неплохо было бы помнить и современным любителям «зеленого змия» разных вероисповеданий: «Если кто-либо просидит за беседой с вином и напьется, то пусть будет наказан и за каждые три палочных удара взят 1 акче штрафа».

Коран осуждает воровство и предусматривает за него членовредительские наказания. В 38 аяте 5 суры говорится [2, с. 139]:

И вору и воровке отсекайте руки,

Как воздаяние за то,

Что (души их) усвоили себе –

Как наказание от Бога.

В канун-наме в сфере наказания за воровство был сделан шаг вперед по пути его либерализации. Это проявлялось в том, что членовредительство в отношении воров предусматривалось не за все виды воровства. За некоторые виды наказание было определено в виде по приговору кади публич-

ного биться палками плюс денежный штраф, размер которого зависел от количества ударов.

С вора, укравшего мелкую домашнюю живность (гуся, курицу, утку) должно было браться по 1 акче за каждые два палочных удара. За воровство же более крупной домашней живности (ягненка или барана) 1 акче штрафа взимался с каждого палочного удара.

За воровство же крупных домашних животных допускалось применение предусмотренного Кораном членовредительства или по определению кади использование публичного битья палками, которое сопровождалось взиманием крупного денежного штрафа с виновного [1, с. 36].

Членовредительство или денежный штраф в размере от 10 до 50 акче кади мог использовать и при определении меры наказания для преступника, укравшего из амбара или колодца (подвала) ячмень или пшеницу. При определении конкретной меры наказания за это преступление судья должен был учитывать количество украденного зерна: значительное количество украденного должно было сопровождаться отсечением руки виновного.

Вариантность наказания в соответствии со сводом законов Селима I допускалась при вынесении приговора лицу, уличенному в воровстве топора, панциря, покрывала или попоны с коня: или отрубание у виновного руки, или публичное битье его палками плюс штраф в размере 1 акче с каждого палочного удара.

Канун-наме не предусмотрел членовредительских наказаний с виновного за воровство у близких родственников – членов одной семьи: если сын украл у своего отца или матери, отец или мать у своего сына, жена у мужа, муж у жены. Наказание в этом случае должно было определяться кади в виде публичного битья виновного и взимания с него по 1 акче штрафа с каждого палочного удара.

«Если кто-нибудь, - устанавливалось в своде законов, - сорвет головную повязку (дюльбэнд) или силой отберет у кого-то что-либо, то, строго наказав его (палками), за каждый палочный удар пусть возьмут по 1 акче штрафа» [1, с. 36].

Свод законов не предусматривал взимание денежного штрафа с воров, укравших что-либо с чужого поля или скосивших зерновой посев на корню. Он подтвердил наказание за это шариатским обязательным публичным битьем палками плюс по усмотрению кади возмещение ущерба потерпевшему.

Одновременно канун-наме усиливал наказание за отдельные виды воровства: за воровство пленного, раба, рабыни, или мальчика; за рецидивное воровство, за проникновение при воровстве в лавку или в дом виновный подлежал только повешению. Подобное же наказание полагалось и за поджог: «Если кто-то подожжет принадлежащие кому-то дом или лавку, то пусть его повесят» [1, с. 36].

Сохранялся шариатский принцип коллективной ответственности за некоторые виды воровства. Предусматривалось, что при неудачных поисках вора, обокравшего ночью человека вблизи деревни, кади следует взыскать с жителей деревни сто-

имость украденного имущества [1, с. 37].

Канун-наме не устанавливал конкретные меры наказания за воровство для военного сословия: он изымал отправление правосудия за него из юрисдикции кадия.

«Если вором окажется человек, - говорилось в нем, - принадлежащий к категории сипах (владелец тимара, то есть военного лена), то пусть он будет посажен в тюрьму и донесение (об этом) направлено высокому двору. Каков будет указ, так и действовать».

В своде законов есть и норма, которая относилась к уголовнонаказуемому преступлению присвоение чужого найденного имущества. За это предусматривалось взыскание по решению кади от 10 до 40 акче штрафа в зависимости от материального положения с лица, которое найдет в пустынной местности скот или другое имущество и не заявит об этом [1, с. 38].

Не оставался без внимания в канун-наме и такой вид воровства как хищение фруктов и винограда. За него была предусмотрена двойная мера наказания: кроме шариатского битья виновного палками взыскание с него денежного штрафа (за каждые два палочные удара – по 1 акче) [1, с. 39].

«Если у кого-либо в руках или в доме, - устанавливалось в своде законов Селима I, - обнаружатся украденные вещи, которые (тот человек) купил, то пусть заставят найти того, кто продал. Если такового не найдут, но окажется подозреваемый, то пусть подвергнут его пыткам. Однако пусть остерегаются, чтобы (пытаемый) не испустил дух. Если он умрет во время пытки, значит, кровь его была напрасной. Если же обнаружится его непричастность, то, установив это, пусть освободят его».

Содержал канун-наме и нормы уголовно-процессуального характера. Он определял процессуальные действия при воровстве в караван-сараях: если при таком воровстве исчезнут кому-то извне приглянувшиеся вещи, то пусть схватят тех из посторонних, на кого падет подозрение и разыщут вора. При этом нужно было учитывать, что мог возникнуть сговор между людьми, находившимися внутри караван-сарая, и ворами вне его. Поэтому предписывалось в первую очередь схватить подозрительных лиц внутри караван-сарая, что даст возможность разыскать воров и за его пределами.

Есть в канун-наме и другое установление, которое определяло порядок проведения расследования при краже в караван-сараях, должно было способствовать предотвращению воровства в нем. Предписывалось обыскивать тех, кто находится внутри караван-сарая. Кроме того, караван-сарайщики должны были всегда по утрам обыскивать всех находящихся внутри. Только после этого позволялось открывать ворота караван-сарая и выпускать его обитателей. Если же караван-сарайщики выпускали постояльцев, не проведя обыска, то предписывалось стоимость украденных вещей взыскивать с них [1, с. 37].

Не забыты в своде законов Селима I и лжесвидетели, принимавшие участие в судебных процессах, и изготовители фальшивых решений судов.

Предусматривалось, что те лица, которые дают ложные свидетельства в суде, пишут хюджетты (подложные судебные документы) и другие мошенники, должны строго наказываться: «Тот, кто является известным плутом и обманщиком, пусть будет строго наказан (палками) и на лбу его пусть будет поставлена тамга» [1, с. 38].

Устанавливалось обязательное возмещение убытков, имевших место в процессе следствия: «Тех, которые при проведении сыска причинят ущерб имуществу хоть одного мусульманина, пусть накажут и заставят возместить ущерб» [1, с. 39].

В целом же канун-наме подтвердил приоритет шариатских норм и ведущую роль кади в процессе следствия и суда: «Прежде чем что-либо не будет установлено по шариату даже единоличный штраф пусть не взимается, а если возьмут, то кади пусть заставит возратить. Без посредства кади пусть никого в тюрьму не сажают. Пусть с виновного не берут штрафа более, чем определено (кади)» [1, с. 40].

В своде законов Селима I имелись и другие установления уголовно-процессуального характера, которые определяли как производить расследование, как искать виновных, если в махалле или деревне будет обнаружен труп, подвергся преследованию или ограблению караван, произошло воровство или разбой.

«Если кому-нибудь, - говорилось в канун-наме, - будет предложено разыскать кого-то..., закон таков: пусть произойдет поиск на земле семи кадыльков (судебных округов). Если он, верно и безупречно произведя розыск, окажется бессильным и заявит: «Не нашел», его положено освободить и отпустить» [1, с. 39].

По шариату мусульманские служители освобождались при совершении преступления от подсудности кади. Свод законов подтвердил, что лица, занимавшие должности кади, мюдеррисов (преподавателей в медресе), мютевелли (управителей вакфов), назыров (помощников мютевелли), хатибов (мулл, читающих хутбу в мечетях), имамов и подобных им, которые по султанским берегам (султанским жалованным грамотам на владение землей или на занятие должности и получение вознаграждения за нее) имели имущество или земли, при совершении преступления наказанию со стороны кади не подвергаются.

Арест их с санкции кади допускался только если их преступление было слишком велико и имелась вероятность побега виновного. Меры наказания служителям мусульманского культа за совершенные преступления должны были определять при дворе султана [1, с. 61].

Более поздняя запись на полях рукописи канун-наме свидетельствует о том, что на практике только о преступлениях кади и мюдеррисов отправлялись донесения ко двору султана, а остальные духовные лица наказывались без этого кади по шариату.

К разряду преступлений, наказываемых в уголовном порядке, шариатом относились преступления религиозного характера – вероотступничество

и богохульство. За ним предусматривалась только смертная казнь. Для мусульман, уклонявшихся от выполнения намаза, предусматривалось публичное битье палками. Канун-наме сохранил предусмотренные шариатом наказания за религиозные преступления. А за уклонения от намаза наказание было дополнено взысканием с виновного 1 акче штрафа [1, с. 33].

Издание свода законов Селима I имело важное значение на пути перехода от религиозного к светскому праву в средневековой Турции, для регулирования наказаний за преступления уголовного характера. Он сохранил многие шариатские наказания, но придал им юридическую силу. Кроме

того, за многие такие преступления он предусмотрел дополнительное по усмотрению кади наказание в виде денежного штрафа.

Литература

1. Книга законов султана Селима I. – Публикация текста, перевод, терминологический комментарий А.С. Тверитиновой. – М.: Наука, 1969.
2. Коран. – Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – Издание пятое, дополненное и переработанное. – М.: Аванти, 2000.